

DOI: 10.31857/S086919080027608-5

ДРАКОН И БОГИНЯ: КУЛЬТ БОГИНИ САРАСВАТИ В ЯПОНИИ

© 2023

Е.С. ЛЕПЕХОВА ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5186-6686; lenalepekhova@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена исследованию культа богини Бэндзайтэн (Сарасвати) в Японии. Отмечается, что индийская богиня Сарасвати, в ведический период почитавшаяся как божество одноимённой реки, под влиянием индуизма и буддизма превратилась в покровительницу музыки и воплощение красноречия. На Дальнем Востоке, в Китае и Японии эта богиня была известна как Бяньцайтянь (яп. Бэндзайтэн), которая, однако, помимо своей связи с музыкой, сохранила присущую изначальной Сарасвати ассоциацию с водой, что выразилось в её почитании как богини, воплотившейся в водяное божество-дракона или повелевающую им. При этом, благодаря амбивалентности своей природы, неоднозначно трактуемой в разных буддийских источниках, Бэндзайтэн превратилась в универсальное божество, отождествляемое со многими другими богами из синто-буддийского пантеона. По этой причине в Японии известны её святилища, где ей поклоняются в качестве как морского божества (острова Тикубусима, Эносима), так и земного, связанного с горами, например Тэнкава в Ёсино и Бэнтэндакэ на Коя-сан в Вакаяме. Последнему в немалой степени способствовало отождествление Бэндзайтэн с синтоистским божеством Угадзин. В период позднего средневековья, в эпоху Муромати и Эдо, Бэндзайтэн заняла прочное место в народном фольклоре, будучи включенной в число Семи богов счастья (яп. Ситифукудзин). В заключении на основании сопоставительного анализа делается вывод о том, что если божество реки Сарасвати в «Ригведе» – это бурная, водная стихия, которой невозможно управлять, но можно лишь умилостивить гимнами и подношениями, то японская Бэндзайтэн, проявляющаяся порой в виде необузданных дракона или змеи, поддаётся контролю посредством буддийских ритуалов, исполняемых достойными монахами. Это показывает, какую роль сыграл буддизм в фиксации религиозных культурных кодов, зародившихся в Древней Индии, и последующем распространении их по территории Центральной Азии и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Сарасвати, Бэндзайтэн, Бяньцайтянь, «Ригведа», буддизм, синто-буддийский синкретизм, Индия, Дальний Восток.

Для цитирования: Лепехова Е.С. Дракон и богиня: культ богини Сарасвати в Японии. Восток (Oriens). 2023. № 5. С. 166–176. DOI: 10.31857/S086919080027608-5

A DRAGON AND A GODDESS:
THE CULT OF GODDESS SARASWATI IN JAPAN

© 2023

Elena S. LEPEKHOVA ^а

^а – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5186-6686; lenalepekhova@yandex.ru

Abstract: This study is devoted to the cult of goddess Benzaiten (Saraswati) in Japan. An Indian goddess Saraswati, revered in the Vedic period as a deity of the river of the same name, turned into the patroness of music and the embodiment of eloquence under the influence of Hinduism and Buddhism. In the Far East, China and Japan, she was known as Biancaitian (Jp. Benzaiten). However, in addition to her connection with music, Benzaiten retained the association with water inherent in the original Saraswati, which was expressed in her veneration as a goddess incarnated in a water deity-dragon or commanding it. At the same time, due to the ambivalence of her nature, ambiguously interpreted in various Buddhist sources, Benzaiten turned into a universal deity, identified with many other gods from the Shinto-Buddhist pantheon. For this reason, later she took a firm place in Japanese folklore, being included among the Seven Gods of Happiness (Jp. Shichifukujin). Based on comparative analysis, it is concluded that if the deity of the Saraswati River in the Rig Veda is a stormy, water element that cannot be controlled, but can only be propitiated with hymns and offerings, the Japanese Benzaiten that sometimes manifests itself in the form of an unbridled dragon or snake, for her part can be subjugated through the Buddhist rituals. This fact shows the importance of Buddhism for the establishment of religious cultural codes that originated in ancient India, and their subsequent spread across the territory of Central Asia and the Far East.

Keywords: Saraswati, Benzaiten, Biancaitian, Rig Veda, Buddhism, Shinto-Buddhist syncretism, India, Far East.

For citation: Lepekhova E.S. A Dragon and a Goddess: the Cult of Goddess Saraswati in Japan. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 5. Pp. 166–176. DOI: 10.31857/S086919080027608-5

Богиня Бэндзайтэн является, пожалуй, одним из наиболее известных и популярных божеств в японском синто-буддийском фольклоре. На данный момент в Японии насчитывается 31 буддийский храм и 6 синтоистских святилищ, посвященных ей. Она входит в число Семи богов счастья (яп. Ситифукудзин 七福神), чем, по-видимому, и объясняется её непреходящая слава как богини, приносящей удачу и исполняющей желания. При этом Бэндзайтэн, наряду с Дайкокутэн и Бисямонтэн, не имеет японского происхождения, а изначально является индийской богиней Сарасвати. Впервые она упоминается в Ригведе, собрании божественных гимнов. Ей посвящены три гимна-мандалы, из них – два (VII, 95 и VII, 96) Сарасвату и Сарасвати и один, собственно, Сарасвати (VI, 61). В них она выступает как богиня великой реки, одновременно бурная, грозная, опасная для врагов и вместе с тем плодородная, изобильная, дарующая живительную влагу, процветание и детей тем, кто восхваляет её [Ригведа, 1999, с. 161, 264, 265]. Также в тексте упоминаются т.н. «семь сестер» Сарасвати, которые в трактовке Т.Я. Елизаренковой и Ш. Варрьер называются с священными «семью реками» Индии (санскр. *санта синдхава*): Инд (Синдху), Ганга, Ямуна, Сарасвати, Годавари, Нармада и Кавери [Ригведа, 1999, с. 477; Warrier, 2014, р. 96–112]. Что же касается собственно реки, послужившей прототипом для обожествления, то некоторые индологи (например, А.А. Семененко) склоняются к мнению о том, что это могли быть две сезонные реки: Гхаггар-Хакра, текущая через Северную Индию и Пакистан и Сарсути, ныне высохшая [Семененко, 2017].

В послеведийский период, после того как древняя река пересохла или изменила свое русло, богиня Сарасвати стала в меньшей степени ассоциироваться с водным божеством. В традиции индуизма её представляли в виде прекрасной женщины, одетой в белое сари, с четырьмя руками, в одной из которой она держит свой постоянный атрибут – музыкальный инструмент *вину*. Рядом с ней можно увидеть павлина или лебедя, который, как и чаша

со священной водой в одной из рук Сарасвати, является напоминанием об изначальной связи этой богини с водой. Эту богиню считали супругой божества Брахмы (в некоторых мифологических версиях – его дочерью), входящей в знаменитую триаду великих богинь *тридэви* (Лакшми, Сарасвати, Дурга), покровительницей наук и искусств. Было принято уподоблять её богине красноречия Вач, которая тоже появилась в ведийский период. Последнее, по-видимому, привело к тому, что Сарасвати стали считать создательницей санскрита и алфавита деванагари [Топоров, 1991, с. 409].

Очевидно, эта принадлежность Сарасвати ко многим ключевым позициям в пантеоне индуизма в дальнейшем привела к включению её образа в буддийскую религиозную систему Махаяны и Ваджраяны, наряду с такими божествами как Индра, Варуна, Нараяна, Шри (Лакшми), Яма и т.д. В одной из наиболее знаменитых буддийских сутр – «Сутре золотого блеска» (санскр. «Суварнапрабхаса сутра», яп. «Конкомёкё» 金光明經 создана в IV–V вв.) ей посвящена целая глава. В ней Сарасвати выступает уже как полноправное буддийское божество, преклоняющееся перед Буддой и обещающее свою помощь, защиту, покровительство, изобилие и процветание тем, кто регулярно читает, декларирует, переписывает и распространяет «Сутру Золотого блеска». Далее она раскрывает собравшимся различные мантры, обладающие магическими свойствами для исцеления болезней и предотвращения различных несчастий. В последующем восхвалении Сарасвати брахманом Каундиньей она также именуется богиней высшей мудрости и красноречия, но этот образ заметно отличается от общепринятого в индуизме. Здесь у неё восемь рук вместо четырех, она восседает на льве, среди её атрибутов названы лук, стрелы, копье, боевой топор, аркан и ваджра, её почитают демоны-асуры и злые духи-бхуты. Это придаёт Сарасвати черты воинственного божества, наряду с другой индуистской богиней Дургой, которая также изображается верхом на тигре или на льве. Подобное сравнение вовсе не случайно, т.к. исследовательница К. Людвик указывает на то, что речь Каундиньи, восхваляющая Сарасвати, по сути, повторяет гимн «Арьястава», посвященный богине Дурге-Нидре, из «Харивамсы-пураны»¹ [Ludvik, 2004]. Впрочем, если вспомнить, что в гимнах Ригведы среди её многочисленных эпитетов встречаются слова «грозная», «убийца врагов», «убивающая людей из далёких краев» [Ригведа, 1999, с. 161–162], то можно сказать, что в традиции буддизма защитные функции, присущие изначальному образу Сарасвати, снова выступили на первое место. В другом известном тексте, принадлежащем к традиции эзотерического буддизма, «Махавайрочана-сутре» (яп. «Дайнити-кё» 大日經), Сарасвати также упоминается наряду с богами Брахмой, Вишну, Скандой и Ямой, которых следует изображать в западной части «мандалы Чрева» (санскр. *гарбха мандала*, яп. *тайдзокай мандала* 胎藏界曼荼羅). Как считает Б. Фор, подобное соседство с миролюбивыми и мудрыми божествами Брахмой и Вишну, с одной стороны, и устрашающими Скандой и Ямой – с другой, может показаться странным для богини, ассоциируемой с мудростью, знанием и музыкой [Faure, 2015, p. 166]. Однако, соотносясь с её предыдущим описанием в «Сутре Золотого блеска», в Сарасвати из «Махавайрочана-сутры» можно заметить ту же амбивалентность. Эта характерная черта её образа в дальнейшем будет сохраняться и в культе японской богини Бэндзайтэн.

«Сутра Золотого блеска» в переводе и с комментариями китайского монаха Ицзина (635–713) начиная с VII в. превратилась в один из наиболее популярных буддийских текстов в Китае и Японии, во многом благодаря приписываемым ей защитным магическим свойствам, охраняющим страну. Здесь имя Сарасвати в китайском переводе звучит как «Бяньцайтянь» 辯才天, по-японски «Бэндзайтэн» 弁才天 (также 弁財天, сокращенно «Бэнтэн» 弁天), дословно «богиня красноречия». Под этим именем Сарасвати и стала известна в Японии [Ludvik, 2004]. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению её культа

¹ Известный санскритский текст, считающийся приложением к «Махабхарате».

в Японии, следует сразу указать на одну характерную особенность его формирования, которая красной нитью проходит через всю историю почитания Бэндзайтэн в Японии. Наряду с другими индийскими божествами, которые стали известны в Японии посредством эзотерического буддизма Ваджраяны (яп. Сингон 真言) (Махакала-Дайкокутэн, Ганеша-Сэтэн, Дакинитэн и др.), традиция поклонения Бэндзайтэн формировалась отнюдь не линейно, а одновременно на нескольких мультифункциональных уровнях: 1) божества музыки и красноречия; 2) божества войны и власти; 3) водной богини плодородия, также ассоциируемой с драконом; 4) божества изобилия, счастья и удачи, входящего в число «семи богов счастья» (яп. Ситифукудзин 七福神) в народном синто-буддийском фольклоре. При этом, как будет видно в дальнейшем, один образ может накладываться на другой или переплетаться сразу с несколькими, что, впрочем, объясняется влиянием синто-буддийского синкретизма (яп. *синбуцу сюго* 神仏習合). Тем не менее обзор культа Бэндзайтэн мы начнем с традиционного образа богини-музыкантши.

БЭНДЗАЙТЭН-МЁОНТЭН

В вышеупомянутой «Махавайрочана-сутре» богиня изображена с лютней-*бива* (дальневосточной вариацией индийской *вины*) в двух руках, как Сарасвати, покровительствующая музыке. Здесь одно из её имен в китайской транскрипции звучит как «Мяоинтянь» (яп. Мёонтэн 妙音天), дословно «богиня чудесных звуков». Примечательно, что имя Мёонтэн также совпадает с Бодхисаттвой Чудесным Звуком (санскр. Гадгадасвара, яп. Мёон босацу 妙音 菩薩), одним из персонажей «Лотосовой сутры». Изначально не связанный с Сарасвати, этот бодхисаттва обрел просветление благодаря своему музыкальному дару и получил возможность спасать живые существа, трансформируясь во множество форм, в том числе и индийских богов Брахму, Индру, Махешвару и Вайшравану. Эта способность к мульти-трансформации, наряду с музыкой и созвучием имен, обусловила в дальнейшем его ассоциацию с Сарасвати-Мёонтэн [*Сутра о Цветке Лотоса*, 1998, с. 128]. В Японии первые упоминания о Мёонтэн (или Мёон Бэндзайтэн) относятся к XII в. и связаны с дворцом-храмом Мёонин 妙音院, который воздвиг в честь этой богини Фудзивара-но Моронага (1137–1192), известный также как прославленный музыкант [Faure, 2015, p. 173]. В дальнейшем, с XV в. Мёон Бэндзайтэн становится покровительницей странствующих музыкантов-сказителей *бива-хоси* и исполнителей религиозных гимнов *дзисин мосо*. Поскольку все эти музыканты были, главным образом, слепыми монахами, то родоначальником своей традиции они считали слепого принца Сэмимару 蟬丸, почитавшегося ими как воплощение Мёонтэн (или Мёон босацу). При этом, по важному замечанию И. Фритсч, их основной музыкальный инструмент *бива* 琵琶 также ассоциировался с символом, приносящим удачу, что впоследствии могло послужить одним из оснований для включения Мёонтэн-Бэндзайтэн в число семи богов счастья [Fritsch, 1991].

По мнению Б. Фора, в японской традиции грань между Мёонтэн и Бэндзайтэн не всегда различима, иногда они вместе могут выступать как единое божество, совмещающее в себе полярные функции [Faure, 2015, p. 174]. Наиболее отчетливо это проявляется в «Повести о доме Тайра» в третьей главе «Бамбуковый остров, Тикубу», где Тайра-но Цунэмаса, прославленный поэт и музыкант, навещает храм богини Бэндзайтэн на острове Тикубусима 竹生島 посреди озера Бива. В молитве он обращается к ней как к бодхисаттве, известной под двумя именами Бэндзайтэн и Мёонтэн. Далее, Цунэмаса по просьбе местного жреца играет на лютне-*бива* мелодию «Небо и Земля» и делает это столь искусно, что сама богиня в виде белого дракона является ему, очарованная его мастерством. Обрадованный Цунэмаса видит в этом предзнаменование победы над врагами Тайра – войсками Минамото [*Повесть*

о доме Тайра, 2006, с. 388]. Здесь Бэндзайтэн выступает сразу в трех ипостасях: 1) как бодхисатва Мёнтэн (ср. Бодхисатва Чудесный звук), спасающий все живые существа и откликающийся на молитвы тех, кто хорошо играет на *бива*; 2) как божество воинов, могущее даровать победу в сражении; 3) как водяное божество-дракон. Следует отметить, что в качестве последнего божества, культ которого был связан с плодородием, она почиталась не только в святилище на Тикубусима, но и в других местах Японии. Одним из наиболее известных таких мест является остров Эносима 江ノ島 рядом с побережьем Камакуры, где в средние века находилась ставка военных правителей Японии – сёгунов. Как свидетельствуют местные храмовые хроники «Эносима энги», составленные монахом Кокэем 皇慶 в XII в., сёгуны Минамото Ёритомо 源頼朝 (1147–1199) и Ходзё Токимаса 北条時政 (1138–1215) регулярно совершали паломничества в храм Бэндзайтэн на Эносима [Chaudhuri, 2003, p. 44–56]. Это способствовало популяризации образа Бэндзайтэн одновременно как божества войны и власти (наряду с Уса Хатиман) и богини-дракона.

ДРАКОН И БОГИНЯ ИЛИ БОГИНЯ-ДРАКОН

Согласно «Эносима энги» 江の島縁起, остров Эносима появился в Сагамском заливе в 552 г. в результате землетрясения, во времена правления императора Киммэя. Далее, в тексте рассказывается одно из местных преданий о том, как на острове возник культ Бэндзайтэн. В нем она названа дочерью царя драконов из озера Мунэцуноти 無熱惱池 (санскр. Анаватапта), которая усмирила свирепого дракона из озера Цумура и стала потом его женой. Затем через прорицателя она повелела местным людям воздвигнуть для неё святилище в скалах на южной части острова и совершать ритуалы поклонения дважды в год. Впоследствии многие монахи школы Тэндай и последователи сюгэндо посещали Эносиму ради занятия подвижничеством [Faurge, 2015, p. 213]. В связи с этим существует ещё одна легенда о Бэндзайтэн с Эносима, которая приводится в «Кэйран сюё сю» 溪嵐拾葉集 (досл. «Собрание листьев, подобранных бурным ветром из долины»), составленном монахом Косю из школы Тэндай между 1311 и 1348 гг.). Согласно ей, когда преподобный Доти прибыл на Эносиму, чтобы провести публичные чтения «Сутры Лотоса», некая женщина каждый день являлась к нему послушать его проповедь. Однажды он решил проследить за ней и проследовал до пещеры, в которой она обернулась драконом [СТ, т. 2, с. 405–428]. О драконьей сущности Бэндзайтэн с Эносима упоминается и в «Ёритомо-но сайдзи», где она сначала предстает перед сёгуном Минамото-но Ёриэ (1182–1204) в облике прекрасной благородной дамы, а затем превращается в огромную рогатую змею и просит дзэнского наставника Ранкэй Дорю освободить её от кармических прегрешений в обмен на своё покровительство клану Минамото² [Faurge, 2015, p. 189].

Драконы в фольклоре стран Центральной Азии и Дальнего Востока издревле ассоциировались с водой и дождём и, как следствие, источником живительной влаги и самим плодородием. Монах Косю, автор знаменитого эзотерического трактата «Кэйран сюё сю», принадлежавший к школе Тэндай, относит Бэндзайтэн к драконьим божествам (или полубогам) нагам на том основании, что она является богиней воды, которая есть сущность драконов. В качестве дополнительного подтверждения Косю указывает на то, что семенными

² Похожая легенда приводится в известном средневековом эпосе «Тайхэйки» («Повесть о Великом мире»), где рассказывается, как Ходзё Токимаса затворился в храме Бэндзайтэн на острове Эносима и молился ей о благоденствии своего рода. На двадцать первый день ему вдруг явилась некая прекрасная женщина, которая предвещала, что потомки Ходзё будут править Японией, однако могут утратить своё могущество через семь лет, если будут чрезмерно властолюбивы. Сказав это, она обратилась в огромную змею и уползла в море. Как уточняется в тексте, то была сама Бэндзайтэн, явившаяся в знак своей милости Ходзё Токимаса в двух своих ипостасях: богини и морского дракона/морской змеи [Faurge, 2015, p. 184].

биджа-мантрами Бэндзайтэн является знаки «ун» (санскр. *хум*), «са» и «вам» как части имени «Сарасвати». Поскольку вода входит в число пяти космологических базовых элементов, которые также составляют основу человеческого тела, то в анатомической системе, соотносящей с внутренними органами, ей соответствуют лёгкие, которые, по общему представлению, содержали в себе воду. Бэндзайтэн обитает в лёгких в виде водяной змеи. В гносеологической структуре эзотерического буддизма пять элементов также символизируют пять видов космической мудрости Будды Вайрочаны. Элемент воды – Сарасвати – Бэндзайтэн здесь соответствует «мудрости чудесной проницательности» (санскр. *пратъявекшана джняна*, яп. *мёкан дзаццуги* 妙觀察智). Таким образом, Бэндзайтэн также представляет собой одно из воплощений Татхагаты-Махавайрочаны (яп. Дайнити Нёрай) [СТ, т. 2, с. 405–428]. В качестве водяного божества, связанного с драконами, Бэндзайтэн приобрела ещё один атрибут – драгоценность, исполняющую желания, (жемчужину) *чинтамани* (яп. *нёи ходзю* 如意宝珠; рис. 1)³. Во многих буддийских источниках она часто упоминается как сокровище, принадлежащее царю драконов Сагаре. В частности, в известном трактате «Дашидулунь» 大智度論, комментарии к «Махапраджняпарамита-сутра» («Великая сутра совершенной мудрости», переведена на китайский язык Кумарадживой (344–413)), говорится, что драгоценность чинтамани обычно возникает из головы дракона или мощей будд прошлого ради блага всех живых существ, исполняя их желания [Trenson, 2018, p. 272]. Это отчасти объясняет, почему чинтамани стала ассоциироваться с драконами. Однако наиболее известной из подобного рода историй на Дальнем Востоке является знаменитая притча из девятой главы «Лотосовой сутры» «Девадатта», в которой дочь царя-дракона подносит Будде чудесную драгоценность и в награду получает возможность стать бодхисаттвой. Исходя из того, что «Лотосовая сутра» была очень популярна во всех традициях японского буддизма, драгоценность, исполняющая желания, превратилась в атрибут женских водяных божеств, в том числе и Бэндзайтэн. Так, в «Гаун никкэнроку бацую» 臥雲日件録抜尤, составленном около 1452 г. Дзуйкэй Сюхо 瑞溪周鳳, Бэндзайтэн названа одной из дочерей царя драконов Сагары. В «Дзинги хисё» 神祇秘鈔 она уже выступает как сам царь-дракон, правитель подводного царства, обладающий драгоценностью чинтамани [Chaudhuri, 2003, p. 44–56].

Этой драгоценности в буддизме приписывается много чудесных свойств, однако в традиции эзотерического буддизма школы Сингон у неё проявилось новое, совершенно уникальное. В трактате «Какудзэнсё» 覚禪鈔 со ссылкой на вышеупомянутый «Дашидулунь» приводится следующий постулат о том, что мощи будд и драгоценности чинтамани превращаются в зерна риса. При этом, как указывает С. Тренсон, на самом деле в «Дашидулунь» нет прямого указания на связь между чинтамани и рисом, там лишь сказано, что, помимо прочих чудес, драгоценность способна обеспечить людей «едой и питьём» (яп. *ондзики* 飲食). Возможно, по версии Тренсона, японские комментаторы «Дашидулунь» интерпретировали это выражение, как рис в целом, учитывая, что рис был (и остается) основой традиционного пищевого рациона в Китае и Японии [Trenson, 2018, p. 271]. В средневековой Японии поливное рисосеяние было основой сельского хозяйства, поэтому издревле все ритуалы, связанные с посадкой риса, сбором урожая, молениями о дожде и предотвращением засухи имели чрезвычайное значение как для отдельной деревенской общины, так и для всего государства в целом. Исследователи А. Рюити, и С. Тренсон связывают успех основателя школы Сингон Кукая (Кобо-дайси, 774–835) при императорском дворе с успешно проведенными им ритуалами моления о дожде в 824 и 835 гг. [Abe, 1999, p. 315–334; Trenson, 2018]. Позднее, во второй половине IX в., при дворе был учрежден новый ритуал поклонения «Сутре о дожде» (яп. «Сёугёхо» 請雨經法), который также проводили монахи

³ Рис. 1–3 находятся на цветной вклейке.

Сингон. Основной частью этого ритуала была медитация на драгоценность чинтамани, которую, как считалось, некогда Кукай получил в дар от самого царя-дракона и позже сокрыл на горе Муруо (совр. префектура Нара). В традиции Сингон утверждалось, что с помощью этой драгоценности можно было призывать драконов и вызывать дождь. По мнению С. Тренсона, благодаря этим ассоциациям связь между чинтамани, драконом и рисом стала устойчивой в текстах и ритуалах школы Сингон уже в ранний период Хэйан (IX–X вв.) [Trenson, 2018, p. 283]. Это, в свою очередь, привело к тому, что все буддийские божества, имеющие отношение к чинтамани (или мощам Будды), стали также восприниматься как божества плодородия и посредством этого неизбежно ассоциироваться с аналогичными синтоистскими богами. То же самое произошло и с Бэндзайтэн. Как богиня воды, супруга/дочь дракона (или сам дракон), ниспосылающая живительную влагу, обладающая драгоценностью, исполняющей желания и дарующей, помимо прочего, еду = рис, она, благодаря этой игре ассоциаций, стала идентифицироваться с синтоистскими божествами плодородия, о чем подробнее будет сказано ниже.

Из всех рассмотренных выше источников, пожалуй, именно в преданиях о Бэндзайтэн с острова Эносима наиболее полно раскрывается её амбивалентная и противоречивая природа: с одной стороны, она небесная богиня, укрощающая дракона, с другой – сама является драконом, одним из зооморфных воплощений первобытного хаоса и потому нуждается в спасении. Грань между этими двумя образами очень тонкая и порой практически неразличимая, другими словами, образно выражаясь, она одновременно и красавица, и чудовище. Однако этот же фундаментальный плюрализм природы Бэндзайтэн позволил в дальнейшем соотнести её в качестве синто-буддийского бога Уга-Бэндзайтэн не только с водными, но и с хтоническими божествами, такими как Бисямонтэн, Дайкокутэн, Дакинитэн, Инари Мёдзин и др.

УГА-БЭНДЗАЙТЭН КАК ГОРНОЕ БОЖЕСТВО

Согласно исследованиям Б. Фора, отождествление Сарасвати-Бэндзайтэн с Уга-Бэндзайтэн началось в период Камакура (примерно с середины XIII в.) в рамках эзотерической традиции школы Тэндай. Монахом Кэнтю был составлен сборник эзотерических практик «Сайсё гококу угая тонтоку нёи ходзю-о сюги» 最勝護国宇賀耶頓得如意宝珠王修行, в котором Уга-Бэндзайтэн был посвящен отдельный раздел. Здесь она снова изображена как воинственная восьмирукая богиня из «Сутры Золотого блеска» с атрибутами в виде меча, копья, лука, стрел, однако голову её венчает бог Угадзин в виде белой змеи с лицом старика. В одной из рук она также держит драгоценность чинтамани, что указывает на её свойство водной богини плодородия [Faure, 2015, p. 194]. До сих пор остаётся неясным, как и при каких обстоятельствах произошло полное отождествление Бэндзайтэн и змееподобного бога Угадзин, однако, как свидетельствует ритуальный текст «Угадзин ку саймон» 宇賀神供祭文 (1400 г.), уже с XV в. поклонение ей как богине-змее становится повсеместным [СТ, т. 2, с. 579–583]. При этом, как зафиксировано в «Кэйран сюё сю» и «Бэндзайтэн саймон» 弁財天祭文, Уга-Бэндзайтэн была отождествлена с другим божеством эзотерического пантеона Дакинитэн и через неё с Инари-мёдзин 稻荷明神, синтоистским божеством плодородия⁴. Поскольку одним из атрибутов Инари также была драгоценность, исполняющая желания, то это божество легко идентифицировалось с Бэндзайтэн и, возможно, через такую ассоциацию приобрело черты дракона или змеи, помимо традиционного представления о нём как о лисе. В традиционном синто-буддийском фольклоре Инари-мёдзин, равно как и

⁴ По мнению И. Ридэра, связь Инари с буддизмом могла возникнуть в VIII в., когда основатель школы Сингон Кукай возглавил храм Тодзи в Киото и в качестве покровителя храма выбрал Инари [Reader, 2008, p. 20].

Дакинитэн, относились к разряду хтонических божеств, чьи храмы обычно располагались у подножия гор (или на их вершинах), поэтому святилища, посвященные Уга-Бэндзайтэн, появились также и в горной местности. К наиболее известным культовым святилищам такого рода можно отнести гору Мисэн 弥山 в местности Ёсино (совр. префектура Нара), Мино рядом с Осакой и гору Хиэй, религиозный центр школы Тэндай, в окрестностях прежней столицы Киото, где основными храмами Бэндзайтэн являются Иватаки 岩滝 и Сэйдзё 聖女 [Faure, 2015, p. 209].

Тот факт, что Уга-Бэндзайтэн стали поклоняться на горе Хиэй, не является чем-то из ряда вон выходящим, поскольку в эзотерической традиции *хонгаку* 本覚 (исконного просветления) школы Тэндай Бэндзайтэн в форме змеи-дракона символизирует изначальное, необусловленное просветление, которым обладают даже демонические существа, подобные нагам-драконам, о чём говорится в «Кэйран сюё сю» [СТ, т. 2, с. 405–428]. Гораздо более удивительно то, что практически ни одно из доступных автору исследований не упоминает про святилища Бэндзайтэн на горе Коя-сан – религиозном центре другой значительной буддийской школы Сингон.

Основной храмовый комплекс Сингон расположен в горной долине Коя-сан на высоте 800 м среди восьми горных пиков. Один из таких пиков, находящийся с западной стороны, называется Бэнтэндакэ 弁天嶽 – по имени святилища Дакэнбэндзайтэнся 嶽弁天社, посвященного богине Бэндзайтэн. Точное время создания его неизвестно, по традиции указывается или 818 г. (9-й год Конин 弘仁), или 835 г. (2-й год Дзёва 承和). Учитывая, что строительство первого храма на Коясан относится к 819 г., налицо стремление связать появление святилища с первым патриархом школы Сингон – Кукаем (Кобо-дайси), которому традиционно приписывается основание всех главных храмов школы Сингон. Всё же пресловутая древность данного святилища представляется сомнительной, поскольку первое документированное упоминание о нём встречается только в «Киисёку фудоки» 紀伊続風土記, составленном в 1806 г. (3-й год Бунка 文化) по распоряжению правительства бакуфу. Примечательно, что оно связано с именем Тэнкава-Бэндзайтэн, которую сам Кукай якобы пригласил на Бэнтэндакэ перед тем, как основать буддийские храмы на горе Коя-сан⁵ (рис. 2).

Святилище Тэнкава-Бэндзайтэн располагалось в Ёсино, у подножия горы Мисэн (сокр. от Сюмисэн 須弥山, японского названия мифической индийской горы Сумеру). Мисэн, находящаяся на границе двух регионов Ёсино и Кумано, воспринималась в эзотерическом буддизме как точка соприкосновения двух мандал – Алмазной мандалы и мандалы Чрева, и посредством этого – как символ недualности абсолютного и феноменального миров. Эта концепция была неразрывно связана и с верой в обитавшую на вершине горы богиню Бэндзайтэн. В этом качестве Тэнкава-Бэндзайтэн упоминается не только в тэндайском трактате «Кэйран сюё сю», но и в «Кимбусэн химицудэн» 金峰山秘密伝, составленном монахом школы Сингон Монканом⁶. В его трактовке изначальная суть Бэндзайтэн является квинтэссенцией единства двух мандал, в качестве же проявленного божества она дарует процветание и долголетие. Монах Косю, автор «Кэйран сюё сю», и вовсе утверждает, что культ горной Тэнкава-Бэндзайтэн – самый древний из имеющихся; это связывает его с традицией горного подвижничества сюэндо⁷ и почитанием этой богини на горе Оминэ

⁵ [https://高野山-御朱印.jinja-tera-gosyuin-meguri.com/ (accessed: 06.05.2023)].

⁶ [https://mda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00008954#?c=0&m=0&s=0&cv=2&r=0&xywh=4247%2C15084%2C4672 (accessed: 06.05.2023)].

⁷ Сюэндо 修験 – синкретическое учение, объединяющее в себе элементы синтоизма, даосизм, оммёдо и эзотерического буддизма. Его последователи – сюэндзя 修験者 или ямабуси 山伏 в основном занимаются подвижническими религиозными практиками на территории т.н. «священных гор», самой известной из которых является гора Оминэ.

[СТ, т. 2, с. 405–428]. В действительности же, как считает Б. Фор, возникновение культа Тэнкава-Бэндзайтэн в Ёсино можно отнести к периоду Камакура (XII в.) Во времена Южных и Северных династий (Намбокутё 南北朝, 1334–1392), когда двор императора Го-Дайго (1288–1339) обосновался в Ёсино, храм Тэнкава-Бэндзайтэн также играл важную роль в его религиозной политике. Однако истинный расцвет этого храма приходится на период Муромати (XVI в.), когда он перешёл под управление нарского храма Кофукудзи 興福寺. Примерно в это же время Бэндзайтэн была включена в число Семи Богов Счастья, и её храм в Ёсино превратился в одно из излюбленных мест для паломничества желающих обрести мирские блага. Странствующие монахи из Тэнкава также распространяли по всей Японии талисманы из этого святилища, что способствовало росту его популярности. В честь богини в святилище устраивались музыкальные и танцевальные представления, в том числе и ставились пьесы театра Но. В то время, наряду с Тикубусима и Эносима⁸, святилище было включено в число важнейших храмов Бэндзайтэн, однако после пожара 1586 г. оно постепенно пришло в упадок [Faure, 2015, p. 215].

Исходя из этих данных можно предположить, что в действительности храм Дакэнобэндзайтэнсэ мог появиться во второй половине XVI в., после пожара в святилище Тэнкава-Бэндзайтэн, – на основании записи из «Киисёку фудокки», где говорится о том, как богиня из Тэнкава переместилась на Бэнтэндакэ. При этом следует учитывать также и тот факт, что храм Тэнкава-Бэндзайтэн находился на границе Ёсино и Кумано, а с Кумано гору Коя-сан издревле связывала паломническая тропа Кумано-кодо 熊野古道, ведущая к главным синтоистским святилищам этой местности. Поэтому монахи с горы Коя вполне могли воспользоваться былой популярностью культа Тэнкава-Бэндзайтэн, чтобы привлечь к себе больше паломников. Вторым важным аспектом в истории почитания Бэндзайтэн на горе Коя является тот факт, что в качестве Уга-Бэндзайтэн она считалась повелительницей горных источников, живущей у их истоков или на вершинах гор [Накорчевский, 2003]. Из-за скудности природных источников воды на Коя-сан культ водяной богини в местном пантеоне (и в разных её проявлениях) играл важную роль. С периода Хэйан и поныне рядом с основным храмовым комплексом Дандзё Гаран 壇上伽藍 сохранился пруд с небольшим островком, где есть святилище Дзэннё Рюодзэ 善女龍王社 (рис. 3), богини-дракона, которая по легенде явилась Кукаю во время его моления о дожде в 824 г. (яп. *амагои* 雨乞い) из озера Мунэцуноти 無熱惱池 в Индии; как говорилось выше, в эзотерической синто-буддийской традиции она также отождествлялась с Уга-Бэндзайтэн⁹.

Ещё одной немаловажной чертой культа Бэндзайтэн как горного божества на Коя-сан является ритуальный запрет для женщин-мирянок вступать на храмовую территорию комплекса Дандзё Гаран с периода Хэйан до середины периода Мэйдзи (1872 г.). Однако для них существовали специальные паломнические маршруты (яп. *нёнин мити* 女人道), одним из которых была вершина горы Бэнтэндакэ. Отсюда они могли увидеть основные пагоды Дандзё Гаран и заодно поклониться святилищу Дакэнобэндзайтэнсэ¹⁰. В этом контексте Бэндзайтэн в силу универсальности и мульти-ассоциативности своей природы предстает также как богиня-покровительница женщин, если учесть приписываемые её свойства плодородия и исполнения желаний (помимо прочих). Вообще культ Бэндзайтэн в Японии как чисто женского божества, а не только как покровительницы музыкантов,

⁸ Иногда можно встретить упоминание о святилище Бэндзайтэн в Ицукусима, якобы воздвигнутом Тайрано Киёмори (1118–1181) в XII в. Однако С.К. Чаудхури сомневается в том, что данное божество можно уверенно идентифицировать как Сарасвати-Бэндзайтэн на том основании, что в источниках («Ицукусима энги», «Гаун Никкэн року бацую») она нигде не названа своим именем, несмотря на полумаскуподобный облик [Chaudhuri, 2003].

⁹ [http://wakayama-rekishii100.jp/story/029.html (accessed: 06.05.2023)].

¹⁰ [http://wakayama-rekishii100.jp/story/029.html (accessed: 06.05.2023)].

воинов-самураев и странствующих монахов-отшельников ямабуси 山伏, заслуживает дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая все вышесказанное, следует признать, что тема исследования культа Сарасвати-Бэндзайтэн сама по себе является достаточно обширной и многоплановой для того, чтобы быть полностью раскрытой в отдельно взятой статье. И все же можно заметить одну общую тенденцию для всех дальневосточных ипостасей Сарасвати: и Бэндзайтэн, и Мёонтэн сохранили в себе водный аспект этой богини, которым она обладала в ведийский период, но почти утратила впоследствии в индуизме. Как и Сарасвати из гимнов Ригведы, Бэндзайтэн в качестве божества воды столь же амбивалентна: благая и животворящая и одновременно грозная и разрушительная. Но здесь можно заметить одно существенное отличие: если река Сарасвати в Ригведе – это бурная, стремительная водная стихия, которой невозможно управлять, но можно лишь умиловить гимнами и подношениями, то японская Бэндзайтэн, проявляющаяся порой в виде зооморфных дракона или змеи, возникающих из воды и ею управляющих, поддается контролю благодаря силе умело использованных эзотерических мантр и ритуалов в руках достойных буддийских монахов. Призванная и укрощенная, Бэндзайтэн сама выступает в качестве укротительницы демонических существ, как свидетельствуют «Эносима энги эмаки». Эта черта её образа позволила ей легко войти в пантеон синто-буддийского фольклора, во многом благодаря доктрине *симбуцу сюго*, которой придерживались все буддийские школы в Японии. Посредством своей универсальности, позволяющей ассоциировать её как с другими буддийскими, так и с синтоистскими божествами, Бэндзайтэн была и остается одним из наиболее популярных японских божеств. Исследование истории её культа в Японии, на мой взгляд, показывает ту особую роль, которую сыграл буддизм в фиксации определенных культурных кодов, зародившихся в Древней Индии в виде традиции почитания отдельного вида божеств, и последующего распространения этих кодов по территории Центральной Азии и Дальнего Востока.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

СТ – Синто тайкэй 神道大系 (Общее собрание синто), Ронсэцухэн 論説, т. 4, Тэндай Синто (Раздел трактатов, т. 4, Синто Тэндай), т. 2. Ред. Тамура Ёсиро 田村芳朗 и Суэки Фумихико 末本文美士. Токио: Синто Тайкэй хэсанкай, 1991. С. 405–428. Т. 2 Сингон Синто (Раздел трактатов, т. 2, Синто Сингон). Ред. Тамура Ёсиро 田村芳朗 и Суэки Фумихико 末本文美士. Токио: Синто Тайкэй хэсанкай, 1991. С. 579–583 [Shinto Taikei 神道大系 (General Collection of Shinto), Ronsetsuhen 論説編, vol. 4, Tendai Shintō 天台神道 (Section of Treatises, vol. 4, Shinto Tendai), vol. 2. Edited by Tamura Yoshirō 田村芳朗 and Sueki Fumihiko 末本文美士. Tokyo: Shintō Taikei hensankai, 1991. Pp. 405–428; Shinto Taikei 神道大系 (General Collection of Shinto), Ronsetsuhen 論説編, vol. 2, Shingon Shintō 天台神道 (Section of Treatises, vol. 4, Shinto Shingon), vol. 2. Edited by Tamura Yoshirō 田村芳朗 and Sueki Fumihiko 末本文美士. Tokyo: Shintō Taikei hensankai, 1991, Pp. 579–583 (in Japanese)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Косю 光宗 (1276–1350). *Кэйран сюё сю* 溪嵐拾葉集 («Собрание листьев, подобранных бурным ветром из долины»). Синто тайкэй 神道大系 (Общее собрание синто), Ронсэцухэн 論説編, т. 4, Тэндай Синто, т. 2. Ред. Тамура Ёсиро 田村芳朗 и Суэки Фумихико 末本文美士, Токио: Синто Тайкэй хэсанкай, 1991. С. 405–428 [Keiran shūyōshū 溪嵐拾葉集. Kōshū 光宗 (1276–1350). Shinto Taikei 神道大系, Ronsetsuhen 論説編, vol. 4, Tendai Shintō 天台神道 (Section of Treatises, vol. 4, Shinto Tendai),

vol. 2. Ed. by Tamura Yoshirō 田村芳朗 and Sueki Fumihiko 末本文美士. Tokyo: Shintō Taikēi hensankai, 1991. Pp. 405–428 (in Japanese)].

Монкан 文觀. *Кимбусэн химишудэн* 金峰山秘密伝 (Тайная традиция горы Кимбусэн) [Monkan 文觀. *Kimbusen Himitsuden* 金峰山秘密伝 (The Secret Tradition of Mount Kimbusen)] <https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00008954#?c=0&m=0&s=0&cv=2&r=0&xywh=-4247%2C-1%2C15084%2C4672> (accessed: 06.05.2023).

Накорчевский А.А. *Синто*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 139–140 [Nakorchevsky A.A. *Shinto*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. Pp. 139–140 (in Russian)].

Повесть о доме Тайра: Эпос (XIII в.). Пер. со старояп. И. Львовой; предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М.: Худож. лит., 1982 [*Heike-monogatari* 平家物語 (The Tale of the Heike: An Epic (XIII v.)). Tr. by I. Lyvova; verses tr. by A. Dolin. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1981 (Russian translation)].

Ригведа. Мандалы V–VIII. Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой, М.: Наука, 1999 [*Rig Veda*. Mandalas V–VIII. Tr. and comm. by T.Y. Elizarenkova, Moscow: Nauka, 1999 (Russian translation)].

Сайт о храмах и святынях горы Коя-сан [Website about temples and shrines of Mount Koya-san] <https://高野山-御朱印.jinja-tera-gosyuin-meguri.com/> (accessed: 06.05.2023).

Сайт по истории Вакаямы [Website about Wakayama history] <http://wakayama-rekish100.jp/story/029.html> (accessed: 06.05.2023).

Семененко А.А. Ригведийская река Сарасвати и археология Южной Азии. *Научный вестник Воронежского Государственного Архитектурно-строительного университета*. 2017. № 1 (11). С. 73–83 [Semenenko A.A. Rigvedian River Saraswati and Archeology of South Asia. *Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*. 2017. No. 1 (11). Pp. 73–83 (in Russian)].

Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Пер. с кит, предисл. и коммент. А.Н. Игнатович. М.: Янус-К, 1998 [*Sūtra on the White Lotus of the True Dharma*. Tr., comm. by A.N. Ignatovich. M.: Yanus-K, 1998].

Топоров В.Н. Сарасвати. *Мифы народов мира*. Ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. II. С. 409 [Toporov V. N. Sarasvati. *Myths of the World*. Edю by S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya entsiklopedia, 1991. Vol. II. P. 409 (in Russian)].

Угаджин саймон 宇賀神祭文 («Молитвословие бога Уга») Синто тайкэй 神道大系 (Общее собрание синто), Ронсэпхэн 論説編, т. 2, Сингон Синто, т. 2. Ред. Тамура Ёсиро 田村芳朗 и Суэки Фумихико 末本文美士. Токио: Синто Тайкэй хэсанкай, 1991. С. 579–583 [*Ugajin Saimon* 宇賀神祭文. Shinto Taikēi 神道大系, *Ronsetsuhen* 論説編, vol. 2, Shingon Shintō 真言神道 (Section of Treatises, vol. 4, Shinto Shingon), vol. 2. Ed. by Tamura Yoshirō 田村芳朗 and Sueki Fumihiko 末本文美士. Tokyo: Shintō Taikēi hensankai, 1991. Pp. 579–583 (in Japanese)].

Abe R. *The weaving of mantra: Kukai and the Construction of Esoteric Buddhist Discourse*. New York: Columbia University Press, 1999.

Chaudhuri S.K. *Hindu Gods and Goddesses in Japan*. New Delhi: Vedams EBooks, 2003.

Faure B. *Protectors and Predators: Gods of Medieval Japan*, Vol. 2. Honolulu: University of Hawaii Press, 2015.

Fritsch I. Benzaiten, die Göttin mit der Laute. *Japan von Aids bis Zen*. Vienna: Institut für Japanologie, 1991. Pp. 155–164.

Ludvik C. A Harivamśa Hymn in Yijing's Chinese Translation of the Sutra of Golden Light. *Journal of the American Oriental Society*. 2004. Vol. 124 (4). Pp. 707–734.

Reader I. *Simple Guides: Shinto*. London: Kuperard, 2008.

Trenson S. Rice, Relics, and Jewels. The Network and Agency of Rice Grains in Medieval Japanese Esoteric Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*. 2018. Vol. 45. No. 2. Pp. 269–307.

Warrier S. *Kamandalu: The Seven Sacred Rivers of Hinduism*. Mumbai: Mayur University, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕПЕХОВА Елена Сергеевна – доктор философских наук; старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Elena S. LEPEKHOVA, DSc (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье Е.С. Лепеховой

Рис. 1. Барельеф, изображающий Бэндзайтэн и дракона, у входа в святилище Бэндзайтэн на острове Эносима. В левой руке она держит драгоценность чинтамани. A relief depicting Benzaiten and a dragon at the entrance to the Benzaiten Shrine on Enoshima Island. In her left hand she holds the chintamani jewel.

Рис. 2. Святилище Дакэнобэндзайтэнса на Бэнтэндакэ, Коя-сан. Dakenobenzaitensya Shrine on Bentendake, Koya-san.

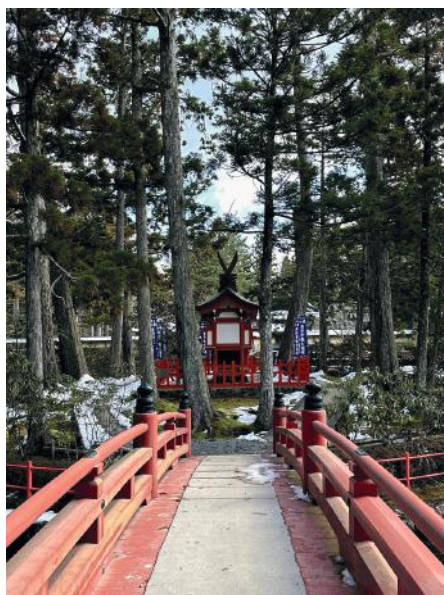

Рис. 3. Святилище Дзэннё Рюодзя 善女龍王社, Дандзё Гаран 壇上伽藍, Коя-сан. Ryuoja Zen Shrine, Danjo Garan, Koya-san.